

Издатель

ФГБОУ ВО «Петрозаводский государственный университет»
Российская Федерация, г.Петрозаводск, пр.Ленина,33

Научный электронный журнал

ПРИНЦИПЫ ЭКОЛОГИИ

<http://ecopri.ru>

Т. 8. № 2 (32). Июнь, 2019

Главный редактор

А. В. Коросов

Редакционный совет

В. Н. Большаков
А. В. Воронин
Э. В. Ивантер
Н. Н. Немова
Г. С. Розенберг
А. Ф. Титов

Редакционная коллегия

Г. С. Антипина
В. В. Вапиров
А. Е. Веселов
Т. О. Волкова
Е. П. Иешко
В. А. Илюха
Н. М. Калинкина
А. М. Макаров
А. Ю. Мейгал
В. Л. Шитиков
В. Н. Якимов
A. Gugotek
J. B. Jakovlev
B. R. Krasnov
J. P. Kurhinen

Службы поддержки

А. Г. Марахтанов
Е. В. Голубев
С. Л. Смирнова
Н. Д. Чернышева
М. Л. Киреева

ISSN 2304-6465

Адрес редакции

185910, Республика Карелия, г.Петрозаводск, пр. Ленина, 33. Каб. 453

E-mail: ecopri@psu.karelia.ru

<http://ecopri.ru>

УДК 929

ШТРИХИ К ПОРТРЕТУ. ЛЕВ ИСААКОВИЧ ХОЗАЦКИЙ

ЧЕРЛИН

Владимир Александрович

*Дагестанский государственный университет, Ул. М. Гаджиева, д. 43-а. Республика Дагестан, г. Махачкала 367000
cherlin51@mail.ru*

Ключевые слова:
биография
герпетология
Л. И. Хозацкий

Аннотация: В статье рассказывается об очень интересном ученом, педагоге, воспитателе и человеке – о Льве Исааковиче Хозацком. В нем причудливо сочетались порой самые разные человеческие качества: серьезность и игривость, даже ребячество, строгость и удивительная душевная нежность, даже сентиментальность. Но его важнейшими чертами как серьезного ученого были: академический, научный склад ума, энциклопедическая образованность, безусловный педагогический дар и уважение, а также доступное далеко не всем умение по-настоящему любить. Так получилось, что автор этой статьи был хорошо знаком со Львом Исааковичем, с его семьей. Лев Исаакович был его научным наставником, настроившим его научную деятельность на серьезный, общебиологический подход к решению даже самых частных научных проблем. За это автор выражает ему свое глубочайшее уважение, почтение и искреннюю любовь.

© Петрозаводский государственный университет

Получена: 04 декабря 2018 года

Подписана к печати: 17 июня 2019 года

Материалы

Несколько лет назад вышла статья Льва Яковлевича Боркина о Льве Исааковиче Хозацком (Боркин, 2013). Она рассказывает о его жизненном пути и научных трудах.

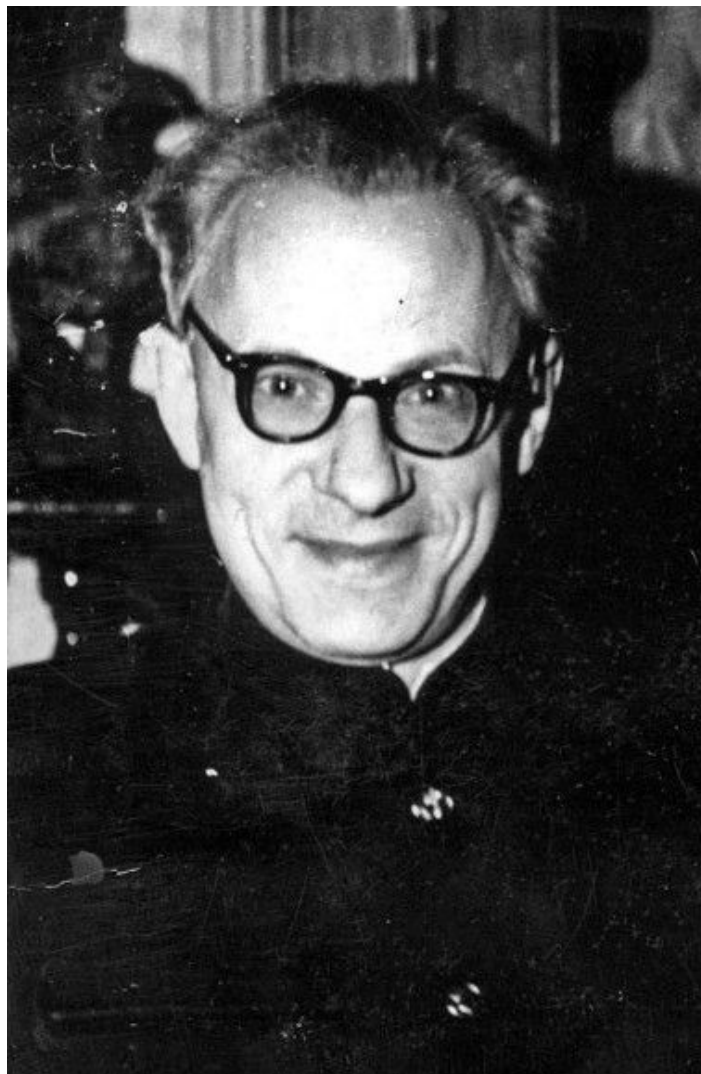
То, что написано в моей статье, не системное изложение пути ученого и не описание его научных исследований. Она не повторяет уже написанного Львом Яковлевичем. Это мои отрывочные, даже не связанные друг с другом воспоминания о нем как о человеке, который для меня очень много значил и значит до сих пор. Я написал потому, что не могу не написать. Для меня это – отдание очень важного долга человеку, благодаря которому я стал тем, кем стал, и которого я искренне люблю и уважаю.

Практически все зоологи Ленинграда, учившиеся на биофаке ЛГУ, прошли через лекции и экзамены Льва Исааковича. И все оставшиеся еще в живых его ученики до сих пор помнят его и с уважением о нем отзываются. Лев Исаакович Хозацкий был действительно большим ученым. За свою жизнь он опубликовал 267 статей. 2/3 его публика-

ций касались рептилий (в основном – черепах), первое место в кругу направлений его научных интересов прочно занимает палеонтология (более трети), затем идут работы общего характера (по эволюционной теории и теории систематики), по морфологии и истории науки, экологии и физиологии (экологической), зоогеографии, есть работы по философии и преподаванию (Боркин, 2013). Но при этом за пределами Ленинграда его мало кто знал, а сейчас, после его смерти, новое поколение студентов ЛГУ его вообще не помнит. Тем не менее Лев Исаакович Хозацкий, безусловно, повлиял на воспитание нескольких поколений биологов. В этой связи он заслуживает того, чтобы о нем была написана не одна статья.

За последнее время я написал несколько статей о биологах, память о которых как-то со временем сглаживается. И в каждой статье я непременно повторяю одну и ту же фразу: «О таких неординарных людях забывать нельзя!» Риска быть непонятым и укоренным в повторах, считаю своим долгом и в этой статье специально повторить: «О таких неординарных людях забывать нельзя!»

***

И первое, что я хочу вспомнить, это мои встречи с семейной парой – Львом Исааковичем Хозацким и Александрой Ивановной Щегловой. Они прожили вместе 59 лет!

Я бывал у них дома, в Ленинграде, на улице Красного курсанта, ласкался с их белым котом, пил с ними чай. Хотя сам Лев Исаакович дома предпочитал, при возможности, пить не чай, а какой-то кисель из толокна. Вся квартира пропитана была духом спокойствия, науки и... любви. Для меня последнее было ничуть не менее значимым, чем все остальное. Спокойное общение, мурлычащий кот под боком... Кот у них был особый, он принимал не всех, не ко всем шел на руки и давался гладить. Однажды мой друг и также ученик Льва Исааковича, Николай Сергеевич Голубев, наблюдал занятную картину. Лев Исаакович играл с котом, гоняясь за ним по квартире. Кот делал вид, что испуган, и бежал от него.

Эта пара выскакивала в коридор, а потом забегала обратно в комнату, и уже кот бежал за Львом Исааковичем и «пугал» его.

Здесь, сидя в мягких креслах, велись серьезные, неторопливые беседы на самые разные темы, касавшиеся и науки, и обычной жизни. Очень интересны были наши беседы, касавшиеся Льва Симеоновича Берга и Александра Александровича Любищева. Я в то время очень интересовался их публикациями, а Лев Исаакович, признавая их право на свой взгляд на проблемы эволюции, предупреждал меня от поспешных суждений и считал, что их творения нужно было бы читать только уже в научно зрелом возрасте, чтобы они не внесли сумятицу в научно неокрепшие умы.

Я бывал у них на даче в Комарово, где мы со Львом Исааковичем бродили по лесу, собирали грибы, а потом Александра Ивановна нам их жарила, и мы с удовольствием все вместе обедали. Мы

наблюдали и ловили гадюк в посадках вдоль железнодорожного полотна, обсуждая то, что видели.

Я имел возможность видеть, как Лев Исаакович и Александра Ивановна общаются, и это оставило неизгладимый след на всю мою жизнь. Я приведу отрывок из моего эссе, которое я написал много лет назад, будучи еще молодым человеком. В значительной мере это эссе написано было именно под впечатлением от общения с их семьей.

«...И вот, любовь молодая на волне чувственного экстаза взмывает в беспредельные выси, а затем спускается на уровень суетливой повседневности и невызревшей, неформившейся еще ее духовности, и опять вверх – и снова вниз... В зрелости взлеты эти уже не так кружат голову, но зато любовь духовная становится крепче, ярче и намного выше, чем раньше. К старости ровный и спокойный дух двух людей, не возмущаемый так сильно плотскими вожделениями, опытный и помудревший, закаленный взлетами и падениями страстной юности и утвержденных достижениями зрелости, продолжает возрастать и крепнуть; духовная любовь, заполняя собою все пространство души, так неразрывно сливается воедино объединенных Господом супругов, что разъединить их не могут уже более ни беды, никакие искушения, ни даже сама смерть. И вновь, и вновь со слезами умиления и легкой грусти вспоминаю я слова уже умершего ныне пожилого человека, обращенные к своей тяжело больной супруге: “Не волнуйся, я всегда буду рядом с тобой... Если ты потеряешь зрение – я буду твоими глазами, если ты потеряешь слух – я буду твоими ушами, если ты не сможешь ходить – я стану твоими ногами... Не волнуйся, мы с тобой навсегда вместе...” Для мирского человека это – наивысшая точка любви, которая ближе всего к Богу и на самом деле богаче и ярче всех ее чувственно-восторженных молодых взлетов, это – то, к чему стоит стремиться, чего стоит просить у Бога. Такая высокая духовная любовь изливается в переизбытке на все вокруг, она оживляет, удивляет и умиляет, утешает и направляет, она делает людей и весь мир чище и добрее.»

Поразительно было то, что я, случайно оказавшийся рядом при этом удивительном разговоре двух пожилых людей, услышал такие пафосные, но в то же время абсолютно спокойные слова, сказанные Львом

Исааковичем своей любимой супруге. Они были выражением глубинной сути человеческой. Может быть, кто-то этот текст посчитает чересчур театральным, показным, надуманным, каким-то ненатуральным. Но это было! И, зная Льва Исааковича еще и с этой стороны, я ощущал невероятное удивление как раз от того, что все им сказанное шло от чистого сердца, из самой глубины души, без малейшей тени фальши и лукавства, совершенно искренне и естественно. Я на всю жизнь запомнил этот эпизод. Он сопровождает меня с моей юности и по сей день, когда я уже сам нахожусь в зрелом возрасте. Это невозможно забыть! Два раза в жизни я сталкивался с таким потрясающим, нежнейшим, высочайшим проявлением любви супругов, доживших вместе до преклонных лет. Одной такой парой была семья профессора-токсиколога Петра Павловича Перфильева. Это были тоже очень пожилые супруги, но их нежнейшее отношение друг к другу просто завораживало! Второй была семья Льва Исааковича Хозацкого. Когда я смотрел на этих супругов, то у меня было примерно такое же состояние, как если бы я первый раз в жизни оказался перед каким-то непревзойденным творением человеческим, например перед «Сикстинской Мадонной»... Но только это намного выше – это проявление настоящей, воистину Божественной любви! И то, что я сейчас сказал, – это уже не мое избыточно пафосное утверждение. Это – истинная правда. Беззаветная, искренняя, жертвенная любовь – бесценный дар Божий, который получает человек; и если он с ним обходится правильно, если бережно и трепетно пронесет ее через всю жизнь, через все испытания, именно по-божески, то об этом имеет смысл вспоминать не меньше, чем о достижениях этого человека в науке, искусстве или в социальной жизни. Это предельно важно! Это одна из самых значимых характеристик человека! Это то, за что я ценю свои встречи со Львом Исааковичем. Это – талант, и, возможно, самый главный, о котором стоит говорить и вспоминать. И я счастлив, что я это видел!

Все 80-е годы я прожил в Ташкенте. Я часто прилетал в Ленинград и каждый раз обязательно виделся со Львом Исааковичем. Я приходил к нему на кафедру в университет, и мы порой подолгу сидели, разговаривая о самых разных вещах, начиная с термобиологии рептилий и заканчивая отношениями в семье, разными

непростыми жизненными ситуациями и пр. Я очень ценил эти беседы. Они, кроме прочего, показывали мне, насколько важно иметь возможность на все эти темы разговаривать с ним, какой разносторонний это человек. Он как будто с двойным дном – кажется простым и прямолинейным, а на самом деле, когда открывается, – глубокий и чувствительный.

Когда Лев Исаакович скончался и мы после прощания в крематории большой группой пришли к ним в дом на поминки, Александра Ивановна подошла ко мне и тихо, почти на ухо, оглянувшись, чтобы никто кроме меня ее не слышал, спросила: «А вам не кажется, что он сейчас здесь?» Я замер, и у меня буквально сердце защемило. Ведь это как раз то, что я сразу почувствовал, войдя в дом. Лев Исаакович здесь. Прожив большую жизнь в этой любимой квартире среди любимых книг и мягкой старой мебели, с любимой женой, он и после смерти не покинул ни одну, ни другую. Не зря он говорил своей Александре Ивановне: «Не волнуйся, мы с тобой навсегда вместе...»

***

Почему я считаю Льва Исааковича своим главным, самым важным для себя учителем и наставником в области науки вообще и биологии в частности?

Мы встретились, когда я был еще школьником. Я пришел на биологическую олимпиаду и оказался в его кабинете. Тогда я не прошел в финал, но мой интерес к амфибиям и рептилиям приобрел некий смысл – я увидел человека, который сделал этот интерес своей специальностью. Одно это для меня тогда было очень важно. Это дало моей жизни вполне определенную направленность.

Я начал ходить на кафедру в зоологический кружок, а параллельно стал регулярно навещать и Льва Исааковича. В последних классах школы, когда я уезжал на лето на юг, мы с ним проговаривали варианты тех элементарных еще работ, которые я мог сделать, находясь на отдыхе. В основном эти работы касались наблюдений, связанных с тепловыми условиями жизни приткных ящериц. Я старался, и даже кое-что у меня получалось.

Потом я начал читать все больше литературы о рептилиях, о путешествиях зоологов в разные страны, географические описания Средней Азии и других интересовавших меня регионов. Моими самыми «читаемыми» тогда авторами

были Е. Н. Павловский, Ф. Ф. Талызин, П. П. Перфильев, А. Д. Недялков, М. Д. Махлин, С. В. Пигулевский, А. Н. Формозов, О. П. Богданов и др. Когда я заканчивал школу (а школа у нас была английская), вместо производственной практики я договорился выполнить перевод с английского на русский книги о происхождении черепов для Льва Исааковича. Поступив на вечернее отделение биофака ЛГУ и одновременно придя на работу в террариум Ленинградского зоопарка, я начал много наблюдать, видеть, ставить первые эксперименты, а также ездить в экспедиции в Каракумы и Бадхыз. По многим вопросам я часто советовался со Львом Исааковичем.

И хотя по конкретным, частным научным проблемам мы не всегда находили общий язык, но для меня всегда было предельно важно услышать его мнение, даже критическое, его рассуждения, прежде всего потому, что Лев Исаакович умел смотреть даже на самые элементарные вопросы через призму глобальных общебиологических взглядов. Это мог только человек, обладающий широчайшим научным кругозором, вооруженный общенаучной методологией и культурой. Я его воспринимал (да так оно и было на самом деле) как одного из последних энциклопедистов, «осколков золотого века» российской биологической науки. Представители этой группы людей стали встречаться все реже, прямо при мне они начали быстро один за одним уходить, исчезать, это буквально висело в воздухе и очень остро чувствовалось. И тем важнее для меня было общение со Львом Исааковичем Хозацким. Несмотря на то, что мои конкретные, термобиологические физиолого-экологические исследования, которые я уже к тому времени начал вести, были совершенно самостоятельными, их планирование, методологию и пр. я разрабатывал, реализовывал и анализировал сам, Лев Исаакович оказал огромное влияние на «общую философию» моих работ. Еще раз обращаю внимание на важный момент: хотя наши взгляды на частные проблемы, на конкретные работы и т.п. не всегда сходились, общебиологический, общенаучный подход к решению проблем мне привил, выправил, скорректировал именно Лев Исаакович, за что я ему безмерно благодарен. Наверное, именно в этом в первую очередь и должен проявляться феномен научной школы. И мое общение со Львом Исааковичем Хозацким в то время, когда я формировался как

ученый, приобщило меня к этой уходящей уже школе. Наверное, только Бога можно за это благодарить, потому что этот аспект (оказаться в нужное время в нужном месте) от меня никак не зависел, в этом не было моей заслуги.

Мои исследования постепенно «расшатывали» некоторые устоявшиеся, классические представления экологической физиологии о термальных и прочих адаптациях и о других важных аспектах биологии рептилий. Не могу сказать, что Льва Исааковича это радовало. Мы спорили, каждый при этом, чаще всего, оставался при своих убеждениях, но сами эти споры с человеком такого уровня очень обогащали, давали пищу для новых размышлений, новых работ. Для меня это был просто дар Божий.

Таким образом, Лев Исаакович Хозацкий не участвовал в планировании и реализации моих исследований, но, безусловно, был для меня ценнейшим учителем и наставником в науке.

Думаю, что подобное о его роли в судьбе и в научной деятельности могу сказать не только я.

***

Меня удивила и порадовала его реакция на написанную мною книгу об организации явления жизни, об эволюции. Было это больше 30 лет назад – во второй половине 80-х. Я жил тогда в Ташкенте и в значительной степени на базе результатов моих собственных экспериментальных работ у меня сформировалась концепция отношения к явлению жизни, ее организации и эволюции. Эта концепция существенно отличалась по своей сути от общепринятой к тому времени синтетической теории эволюции. Я оформил ее в виде брошюры. Для меня это была первая большая работа, которую я написал. И я вознамерился напечатать ее в Узбекском отделении академического издательства «Наука». Для ее публикации нужны были научные отзывы.

Один положительный отзыв на нее дал Ташкентский университет. И здесь я не могу не упомянуть с глубоким уважением и благодарностью о замечательном человеке, одном из немногих, который поддержал меня в моем противостоянии устоявшейся системе взглядов – о ташкентском биологе Олеге Вильевиче Митропольском. Суть была не в том, что я направлен противостоял «устоям», а в том, что я отстаивал свою точку

зрения. И именно в этом Олег Вильевич меня, тогда еще совсем молодого ученого, поддержал.

Но мне нужен был второй отзыв. И вот тут я понимал, что не могу не попросить об этом Льва Исааковича, но одновременно я этого очень боялся. Его отношения к такой радикальной позиции я предвидеть не мог. Вот и получилось: и показывать ему, и не показывать было одинаково страшно.

Тем не менее, конечно, я послал ему рукопись на отзыв. Чуть позже, во время одного из моих визитов в Ленинград, мы встретились, и я с трепетом ждал его вердикта. Реакция Льва Исааковича оказалась для меня неожиданной. В официальном отзыве от кафедры зоологии позвоночных ЛГУ, который написал он сам, были две основные мысли. Первая: моя концепция, так же как и общепринятая, по большому счету – принципиально недоказуема, поскольку поставить прямые опыты и получить прямые доказательства, по объективным причинам, невозможно. И при этом моя концепция оказывается ничуть не менее обоснованна (косвенными доказательствами и логическими доводами), чем синтетическая теория эволюции. Отсюда следовала вторая мысль: моя концепция организации и эволюции жизни имеет полное право на существование как гипотеза, и он рекомендует рукопись к публикации. Честное слово, такая позиция была для меня неожиданной, но стала еще одним очень важным штрихом к портрету Льва Исааковича как человека и ученого, способного воспринимать новое, а главное – неожиданное в науке, и, если оно не является откровенно некорректным, не рубить с плеча и, по крайней мере, предоставлять ему право на существование, на поиск своего места. А уж найдется это место или нет – дело будущего. Правда, тогда, по ряду независимых от меня причин, эта брошюра не вышла, и я, доработав ее, опубликовал уже книгу на эту тему много позже (Черлин, 2012).

***

На кафедре зоологии позвоночных ЛГУ у Льва Исааковича был свой кабинет. Это была небольшая, сильно вытянутая в длину комнатка. С одного торца этого помещения была дверь, которая выходила в коридор кафедры зоологии позвоночных. С другого конца – окно, у которого стоял стол Льва Исааковича, а рядом с ним – стул,

на который обычно обреченно садились студенты, сдающие ему страшный экзамен – сравнительную анатомию позвоночных, которого все зоологи боялись также или даже больше, чем технари боялись экзамена по сопромату. Все помещение было разделено по всей длине шкафами с литературой и всякой всячиной, нужной в работе. Таким образом, к столу Льва Исааковича вел длинный, очень узкий проход от самой двери, а в одном месте между шкафами был оставлен проход, который вел в узенький, как щель, закуток. Там также стоял небольшой стол с лампой и стул, где можно было сидеть и работать. Как раз там иногда сидел я, читал и слушал диалоги, которые порой возникали у Льва Исааковича со студентами. Не все они, естественно, меня интересовали. Но бывали и «перлы»!

Лев Исаакович не был абсолютно серьезным человеком. Он очень любил пошутить, любил хорошие анекдоты, над которыми от души смеялся, и, как говорят, даже собирал их. Сидя в закутке, я однажды присутствовал при сдаче экзамена студенткой из Монголии. Она практически свободно говорила по-русски. Правда, привлекло меня то, что она на полном серьезе рассказывала Льву Исааковичу (это на университетском-то экзамене по сравнительной анатомии!!!) о том, что у них в глухих районах Монголии отары пасут огромные белые собаки с двумя головами. Преподавательство на эту тему сначала пошло бурно, а потом стихло, сменившись не менее интересной темой, на которую разговор перевел уже Лев Исаакович: он долго, обстоятельно и весьма по-академически пытался объяснить монгольской студентке весь глубинный смысл, краски и специфическую эмоциональность русского идиоматического выражения «присобачить». К сожалению, действительно я не могу сейчас вспомнить сам разговор, но помню только, что я сидел за шкафами, держась одной рукой за живот, а другой зажимая себе рот, и тряся от беззвучного смеха... Это был импровизационный шедевр! Просто – готовый эстрадный номер! И это – в исполнении серьезного ученого – Льва Исааковича Хозацкого!

***

Занявшись исследованием температурных условий обитания обыкновенной гадюки, я пытался отыскать место, в котором было бы достаточно много

гадюк, но которое при этом находилось бы недалеко от города. Такое место я обнаружил. Оно находилось около железнодорожной станции Комарово, в зарослях кустов вдоль железнодорожного полотна. Первое время я ездил туда сам, но потом как-то рассказал об этом Льву Исааковичу. Он очень удивился, потому что жил на даче как раз на ст. Комарово, т. е. постоянно ходил мимо этого места, но гадюк там никогда не замечал. Он попросил меня показать ему это место. Во время одной из первых наших с ним совместных экскурсий за гадюками я обратил внимание на то, что он ведет себя не совсем так, как привык это делать я.

Обычно я старался не привлекать внимания окружающих людей, прохожих к тому, что делаю, особенно когда это касается ядовитых змей. Во-первых, можно людей напугать. Они, скорее всего, не знали, что рядом с ними живут гадюки. Не знали, спокойно ходили тут, не волновались и никогда не видели этих змей, поскольку гадюки сами стараются не попадаться на глаза человеку. Да и несчастных случаев в этом месте, видимо, не было. Если они узнают о таких опасных соседях, то будут бояться ходить по окрестностям и не отпустят детей гулять. Кроме того, кому-нибудь может прийти в голову «спасительная» идея уничтожить всех змей в округе, раз они тут есть, а это может быть опасно как для гадюк, так и для того, кто решит с ними разделаться. Во-вторых, очень сложно предугадать, как будут реагировать люди на то, что они увидят. Я уже сталкивался с такими неожиданными реакциями. Так, видя, как я беру каких-нибудь ядовитых змей, как внешне это выглядит просто и буднично, некоторые люди неожиданно решают, что если у меня это так просто получается, значит это совсем не сложно и они свободно могут поступить так же. И вдруг люди, которые никогда вообще никаких змей в руки не брали, кидаются хватать опасных змей. Хорошо, если рядом окажется специалист. А если нет? А иногда случаются вообще совершенно неожиданные реакции. Как-то очень давно в зоопарке я взял в руки (т. е. жестко зафиксировал) гюрзу, и делалось это на виду у каких-то «специальных» гостей, потому что мне нужно было им что-то продемонстрировать (уже не помню, что именно). И вдруг выскакивает из группы молодая девушка, неожиданно протягивает руки к голове змеи, и я с трудом успеваю отдернуть от нее змею. Хорошо, что я не

растерялся и не совершил ошибки, которая могла бы стоить не только здоровья, но даже и жизни или мне, или этой девушке, а может быть, и еще кому-нибудь. Я потом эту девушку нашел и спросил: «А ты, собственно, зачем это сделала? Чего ты хотела?» Так ведь она мне на эти вопросы даже не смогла ответить! Смысл ее ответов оказался неожиданным: «Не знаю, как-то захотелось...» Такие реакции случаются, они абсолютно алогичны, неожиданны и предугадать их посему, увы, невозможно. Поэтому, ловя гадюк и проводя с ними определенные манипуляции, я старался отворачиваться от людей и, если была возможность, вообще отойти куда-нибудь в сторону, «с глаз долой».

Но Лев Исаакович, наоборот, хотел привлечь внимание прохожих. Он просил меня повернуться и попугать их и пр. Это была какая-то детская реакция, которую я никак не ожидал от такого пожилого и серьезного человека. Я, конечно, не поддался и наоборот, к расстройству Льва

Исааковича, уходил с пойманными змеями в сторону от людей.

***

Вот так в одном человеке сочетались самые разные человеческие качества: серьезность и игривость, даже ребячество, строгость и удивительная душевная нежность, даже сентиментальность. Но, на мой взгляд, важнейшими чертами Льва Исааковича Хозацкого были: академический, научный склад ума, энциклопедическая образованность, безусловный педагогический дар и уважение, а также доступное далеко не всем умение по-настоящему любить. И хотя Льва Исааковича Хозацкого уже давно нет рядом, я выражаю ему свое глубочайшее уважение и почтение, мою искреннюю любовь!

***

В заключение хочу поблагодарить моего друга Федора Аароновича Карлика, который подтолкнул меня к написанию этих воспоминаний.

Библиография

- Боркин Л. Я. Лев Исаакович Хозацкий (1913–1992) как зоолог-герпетолог и палеонтолог // Труды Зоологического института РАН. 2013. Т. 317. № 4. С. 356–371.
- Черлин В. А. Организация процесса жизни как системы. СПб.: Русско-Балтийский информационный центр «БЛИЦ», 2012. 124 с.

STROKES TO THE PORTRAIT. LEV ISAAKOVICH KHOZATSKY

CHERLIN
Vladimir Alexandrovich

Dagestan State University, cherlin51@mail.ru

Keywords:
biography
herpetology
L. I. Khozatsky

Summary: The article tells about a very interesting scientist, teacher, educator and person. This is Lev Isaakovich Khozatsky, associate Professor of the Leningrad state university. He had that odd combination of human qualities: seriousness and “playfulness,” even in a certain sense, childishness, rigor and amazing emotional tenderness, even sentimentality. But the most important features of Lev Isaakovich Khozatsky as a serious scientist were: academic, scientific mind, encyclopedic education, absolute pedagogical gift and respect, as well as the ability to truly love not available to everyone. It so happened that the author of this article was well familiar with Lev Isaakovich, with his family. Lev Isaakovich was my scientific mentor, who “set up” my scientific activity on a serious general biological approach to solving even the most particular scientific problems. For this, I express to him my deepest respect, reverence and sincere love.

Received on: 04 December 2018

Published on: 17 June 2019

References

- Borkin L. Ya. Lev Isaakovich Khozatsky (1913–1992) as a zoologist, herpetologist and paleontologist, Trudy Zoologicheskogo instituta RAN. 2013. T. 317. No. 4. P. 356–371.
Cherlin V. A. The organization of the process of life as a system. SPb.: Russko-Baltiyskiy informacionnyy centr «BLIC», 2012. 124 p.